

Вячеслав Бутусов:

«Чтобы выжить, надо убрать броню»

На рубеже 90-х свердловско-питерский «Наутилус Помпилиус» безраздельно царил на нашей рок-сцене, а его фронтмен – в женских сердцах. Он олицетворял собой принципиально новый тип героя – ироничный, загадочный, философствующий, с постоянной грустной

усмешкой. Песни «Я хочу быть с тобой», «Шар цвета хаки», «Скованные одной цепью» были национальными мега-хитами, а портрет их исполнявшего, вырезанный из «Огонька», висел над девичьими кроватками. Потом был распад, долгое молчание, слухи один невероятнее другого, звуковые

эксперименты и, наконец, триумфальное возвращение артиста на большую сцену в составе «Ю-Питера». Их свежий альбом «Имя рек» бьет все рекорды популярности, а сам Слава – так же бодр, энергичен и таинствен, как и двадцать лет назад.

– В музыке твоего нового проекта очень мало осталось от «Наутилуса»...

– А разве должно быть иначе? Это совсем другая группа, со мной играют очень опытные музыканты, настоящие мэтры – Олег Сакмаров из «Аквариума», Юра Каспарян из «Кино», даже наш молодой барабанщик Женя Кулаков уже десять лет на сцене. Нам есть, что сказать людям. Мир вокруг сильно изменился, и мы вместе с ним. А если хочешь спросить, не играем ли мы старые хиты, вроде «Гуд бай, Америка», то ответ будет отрицательным. Эти вещи для меня сегодня неинтересны.

– В свое время ты с трудом отбивался от поклонниц. А как сейчас?

– Говорю же, мир изменился, и, грубо говоря, стало меньше. Фанатство – это вид паразитизма, причем, очень опасный. Такие существа собираются в стаи и питаются отрицательными эмоциями. А поклонники – это те, кто существует с тобой на одной волне, реально понимает твои песни. Нет, больные на голову меня сейчас практически не беспокоят.

– Может быть, все дело в отсутствии синих галифе?

– Конечно. Плюс еще ордена, сапоги... Изначально, в более ранний период, на концертах мы были похожи на таких карибских пиратов – покупали какие-то тряпки, отбеливали их в тазиках, страшное было зрелище. Потом это выродилось в эстетику милитари: ботфорты в ТюЗе, помню, взяли, галифе перекрашивали из обычных офицерских. Орден кто-то из брошки сделал. Потом уже нам всю эту бижутерию просто дарили.

Во время всего разговора Бутусов с явным удовольствием ест торт...

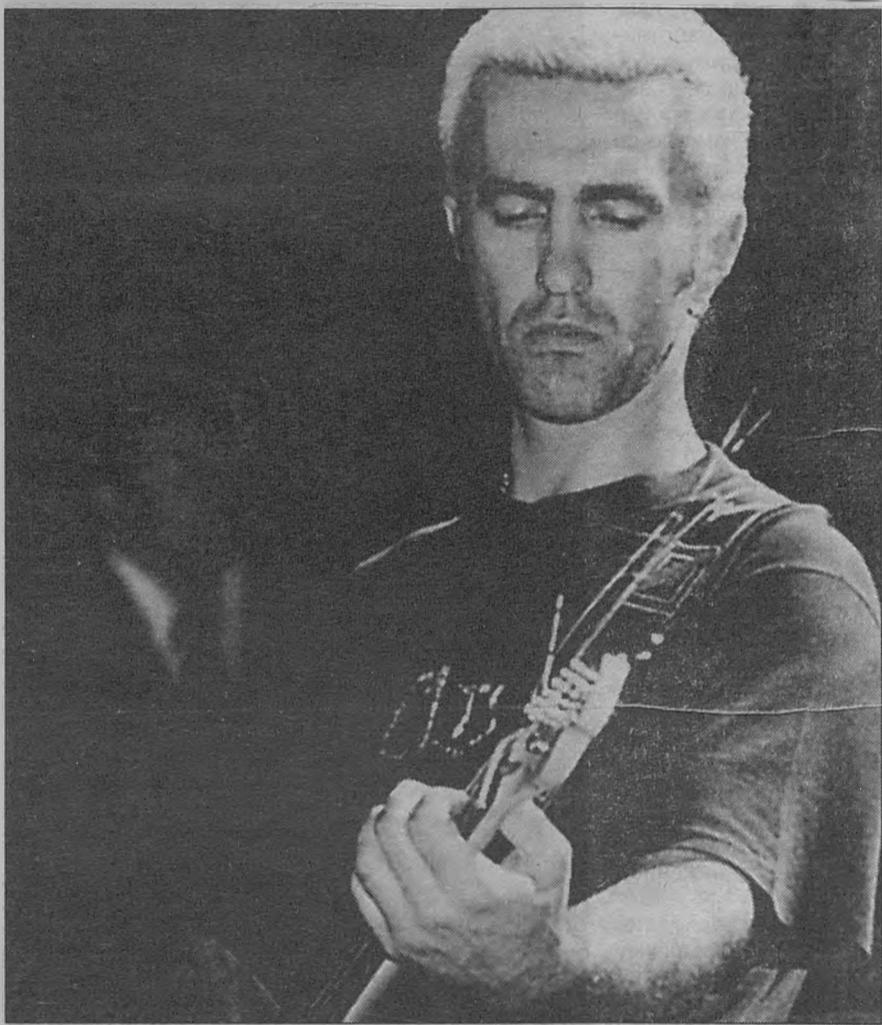
– Любишь сладкое?

– Еще как! С чаем особенно. Прихожу в гости и сразу прошу чаю. И кофе – пусть все сразу несут. А еще одно время шоколад потреблял в диких количествах. Едешь в автобусе на гастроли, и ешь его, ешь без перерыва...

– Для ума?

– Да нет, от безысходности, от внутренней неустроенности...

– Названия твоих песен – «Элизобарра-

Торр», «Имя рек», «Колесницегонитель»... Похоже, ты видишь еще какую-то природу, кроме физической. Восточной философией увлекаешься?

– Ну вот откуда такие слухи? Я в этой области вообще профан. Мое представление обо всех йогических и духовных методиках абсолютно мультипликационное, игрушечное. Вот Боря Гребенщиков – даже он не выпячивает своего отношения к Тибету, к ориентализму. Лично был свидетелем, когда он говорил, что не буддист, а православный христианин, и я ему полностью верю. И вообще, мы видим лишь 40 процентов айсберга его приключений. Я считаю, что Гребенщиков со своим уникальным даром – уникальное явление в нашей стране, да и во всем мире. А слухи всегда окружали рокеров, это норма. Костя Кинчев – чего про него только ни говорили. А все потому, что он реально крутой человек, настоящий герой.

– Редко когда услышишь такие теплые слова про коллег. А из молодых музыкантов кто тебе близок?

– Из молодых – это какого возраста?

– Ну, из тех, кто сейчас ходит у нас в звездах.

– Самый молодой – это Цой, и он всегда будет молодым. Из нового поколения... Шнур и его «Ленинград», к примеру, мне несимпатичны. Но, поскольку теперь настали прагматические времена, я искренне восхищаюсь его отношением к делу. Вот если бы к этому еще прибавить честности и романтизма... Как явление он, разумеется, привлекает внимание, а как музыкальная единица – тоска. Был такой скромный питерский мальчик – худенький, симпатичный, воспитанный, стеснялся телекамеры. Но очень быстро дошел до нынешнего состояния, которого от него требовала публика. Эта музыка уже давно не экзотика, это такая хорошая коммерция.

– Самое большое несчастье русского рока?

– Надо избавиться от кастовости – элемент кланового дикарства перешел в полное варварство. Для того, чтобы выжить, человеку шоу-бизнеса, да и просто человеку, нужно свою броню убирать. Чтобы прорастало что-то честное на солнце.

– Что ты ценишь в людях?

– В женщине невозможно не ценить интуицию, у них это чувство естественно и органично, а бедным мужчинам приходится его развивать. А еще, мне кажется, женщина знает состояние любви, и в этом ее сакральное назначение. Как, например, его знает моя жена. Загадка, которая не дает мне покоя: очень бы хотелось изведать это состояние. Мои дочери, несмотря на относительно юный возраст, тоже знают нечто, мне недоступное.

– Интересная, наверно, обстановка у тебя дома...

– Дом – убежище от всего на 100 процентов. Мы живем в городе Пушкине под Питером. Там сама по себе атмосфера умиротворяющая, плюс еще то, что в семье совершенно другая реальность. Комфортно, потому что не вижу причин для суety. Я последнее время нуждаюсь в длительных периодах покоя. Могу впасть в состояние буддийских монахов – забыть на все, остаться дома, даже не поехать на концерт. Приятная слабость счастливого человека.

Беседовал
Александр БАЕВ